

УДК 343.3/7

DOI: 10.17223/22253513/32/3

А.В. Габов

НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (СОЗДАНИЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Исследован генезис появления в уголовном законе положений об ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Используя судебную практику, автор показывает, что они неудачно сформулированы, противоречат конституционным принципам. Изложены концептуальные предложения по правовой оценке создания юридических лиц через номинальных учредителей, определены подходы по разграничению правомерного и неправомерного поведения.

Ключевые слова: юридическое лицо, подставное лицо.

В 2010 г. Президентом Российской Федерации было дано поручение (п. 6 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 27.08.2010 г. № Пр-2507) «рассмотреть вопрос о возможности введения уголовной ответственности за *фиктивное участие в учреждении и деятельности юридического лица*» [1].

Это поручение, очевидно, являлось ответом как на распространенность использования для совершения различных правонарушений так называемых «фирм-однодневок» (это слово ко времени появления поручения использовалось в различных концептуальных и политико-правовых документах, исследованиях, разъяснениях [2]), так и на декриминализацию в 2010 г. ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство».

Законопроект во исполнение указанного поручения был внесен в Государственную Думу в феврале 2011 г. (проект Федерального закона № 497961-5 [3]).

Согласно законопроекту УК РФ предполагалось дополнить ст. 173¹ «Образование коммерческой организации в целях совершения преступлений». Эта статья проектировалась в трех частях. В первой предусматривалась ответственность за «образование (создание, реорганизацию) коммерческой организации в целях ее использования для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями, другими сделками с денежными средствами или иным имуществом, а равно участие в деятельности такой организации в этих же целях». В части второй предполагалось установить ответственность за «приобретение документа, удостоверяющего личность, а равно склонение к предоставлению такого документа для образования (создания, реорганизации) коммерческой организации в целях совершения одного или нескольких преступлений, свя-

занных с финансовыми операциями, другими сделками с денежными средствами или иным имуществом». Согласно примечанию, под приобретением документа, удостоверяющего личность, понималось его получение на возмездной либо безвозмездной основе, в том числе в счет долга, присвоение найденного или похищенного документа, удостоверяющего личность, а также завладение им путем обмана или злоупотребления доверием). Часть третья предусматривала ответственность за «предоставление документа, удостоверяющего личность, а равно выдачу доверенности для образования (создания, реорганизации) коммерческой организации в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями, другими сделками с денежными средствами или иным имуществом».

Проектируемая статья напоминала ранее отмененную ст. 173 УК РФ, на что обращали внимание критики [4. С. 40]. Однако если лжепредпринимательство было материальным составом, то в предлагаемой статье ни о каком ущербе речь не шла; при этом вновь возникала бы проблема (как и в случае с лжепредпринимательством) доказуемости: надо было доказать, что организация создана именно для *целей* «ее использования для совершения одного или нескольких преступлений». «Размытыми» выглядели и проектируемые положения о субъекте преступления, ведь каралось и «участие в деятельности такой организации в этих же целях».

В результате обсуждения законопроекта уже в ноябре 2011 г. проектируемые положения изменились до неузнаваемости. Вместо одной проектируемой статьи стало две: ст. 173¹ УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица». По существу, диспозиция части первой ранее проектируемой ст. 173¹, но в сильно измененном виде, стала содержанием ст. 173¹ УК РФ, а вторая и третья части ранее проектируемой ст. 173¹ УК РФ составили содержание ст. 173² УК РФ. Проектируемая ст. 173¹ теперь предусматривала ответственность за «незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица»; при этом она наступала вне зависимости от каких-либо последствий. Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: если из новой редакции ст. 173¹ цель исчезла, то в диспозиции ст. 173² указание на цель осталось: «если эти *действия* совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом» (ч. 1 проектируемой ст. 173²) и «если эти *деяния* совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом» (ч. 2 проектируемой ст. 173²). В тексте обоих проектируемых статей исчезло упоминание *об участии в деятельности*. Говоря иначе, уже в ходе реализации поручения от 27 августа 2010 г. № Пр-2507 стало понят-

но, что ответственность за «фиктивное участие в деятельности» предусмотреть в корректной форме либо невозможно, либо нецелесообразно, поскольку неясно, *что* следует криминализировать (об этой проблеме исследователи писали в процессе обсуждения проекта [4. С. 40]).

Понять логику существования сначала трех частей в единой проектируемой ст. 173¹, а затем в измененных ст. 173¹ УК РФ и ст. 173² УК РФ (две части) – сложно. Видимо, имела место попытка охватить *как лиц*, которые выступают в качестве номинальных учредителей и директоров («предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица...»), *так и тех лиц*, которые используют таких «номиналов» или документы (данные) лиц, реально не имеющих воли выступать учредителями и / или директорами («приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица...»). Однако это не устранило неясности в том, *зачем в таком случае была введена ст. 173¹ УК РФ с указанным содержанием*.

Еще одно замечание общего характера состоит в следующем. Отдельные концептуальные документы прямо указывали на *недопустимость создания фирм-однодневок*. То есть идеальным вариантом было бы создание корреспондирующих положений уголовного, гражданского и административного законодательства *в части обязанности принудительной ликвидации* незаконно созданного юридического лица и устранение тем самым пробела, который существовал в период действия статьи о лжепредпринимательстве, где отсутствовала прямая связь между приговором суда и судьбой созданного юридического лица. Однако никакой прямой связи между наказанием физических лиц по ст. 173¹ УК РФ и судьбой «незаконно созданного юридического лица» новый закон не предложил, более того, *этот вопрос, как видно, вообще законодателем не рассматривался* (в отдельных работах указывается, что соответствующие предложения направлялись для обсуждения [5. С. 33]).

Тем не менее в такой довольно странной и противоречивой редакции эти статьи были введены в УК РФ после вступления в силу Федерального закона № 419-ФЗ.

Обратимся к анализу текста ст. 173¹ УК РФ в ее первоначальной редакции.

В первую очередь следует обратить внимание на неудачность названия. Во-первых, оно *не соответствовало* содержанию статьи. Понятно, что когда в процессе разработки закона изменили название с предлагавшегося изначально «Образование коммерческой организации в целях совершения преступлений» на «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», хотели уйти от прямых ассоциаций с декриминализованным лжепредпринимательством. Однако замена получилась не более ясной: «незаконность» – это широкое понятие; оно может охватывать

большой спектр действий, которые в зависимости от квалификации закона могут вести к различным негативным последствиям. Между тем в содержании говорится только о создании или реорганизации «через подставных лиц», т.е. только такие действия признаются «незаконными». Можно сказать, что тем самым подчеркнули: создание юридического лица через подставных лиц – действие незаконное, – однако такое предположение не выдерживает критики: в УК РФ уже существовала норма, предусматривавшая ответственность за *создание* организации, *деятельность которой сопряжена* с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний (ст. 239 УК РФ). И понятно, что такое «создание» – тоже есть *пример незаконного создания*, хотя и без использования слова «незаконность».

Во-вторых, не вполне удачна использованная терминология: «образование (создание и реорганизация)». Она явно была заимствована из ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) для корреляции уголовного законодательства и законодательства о государственной регистрации юридических лиц. Именно эта статья, определяя требования к содержанию единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), указывает, что ЕГРЮЛ должен содержать сведения о *«способе образования юридического лица (создание или реорганизация)»*. Обратим внимание на то, что ГК РФ, который, собственно, и определяет правовое положение юридических лиц, и в том числе правовые основы создания и реорганизации, такой терминологии не использует; ГК РФ разделял создание и реорганизацию уже в момент появления ст. 173¹ УК РФ.

В результате не была криминализована незаконная ликвидация юридического лица, которая могла причинить заинтересованным лицам значительный ущерб. В исследованиях отмечалось и еще одно упущение: отсутствие охвата случаев внесения изменений в учредительные документы и ЕГРЮЛ [6. С. 24].

Посмотрим на объективную сторону ст. 173¹ УК РФ в первоначальной редакции и субъекты ответственности.

В части объективной стороны возникал вопрос: *что имелось в виду под словом «создание»?* На момент появления ст. 173¹ УК РФ это слово применительно к юридическому лицу содержалось во множестве актов гражданского и административного законодательства, но нигде не определялось его смысловое наполнение. Статья 49 ГК РФ указывала, что правоспособность юридического лица возникает *в момент его создания*, т.е. подразумевалось, что «создание» – это юридический факт (один). Указание на этот факт содержала ст. 51 ГК РФ: юридическое лицо считается созданным *со дня внесения* записи в ЕГРЮЛ. Если использовать это значение слова «создание», то можно сказать, что преступление считалось совершенным,

только если юридическое лицо зарегистрировано; если же оно *еще* не зарегистрировано или получен отказ в государственной регистрации, то преступления, предусмотренного ст. 173¹ УК РФ, не совершено.

Логично вставал вопрос: если привлечение подставных лиц было, но умысел не был доведен до конца, есть ли вообще какое-то преступление? Казалось бы, на этот случай и была введена ч. 1 ст. 173² УК РФ. Однако в этой статье ни слова о так называемых подставных лицах не было, к тому же подлежали доказыванию умысел («...если эти действия совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица») и цель («...в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом»). В результате могла сложиться парадоксальная ситуация: проведены все необходимые для создания юридического лица действия, использованы подставные лица, а ответственности никакой не наступало [6. С. 24–25]. По логике диспозиции ст. 173¹ УК РФ («*образование (создание...)... через подставных лиц*») и примечания к ней в части определения подставных лиц («...было образовано (создано...)... *юридическое лицо*») получалось, что само создание состояло только во внесении записи в ЕГРЮЛ. Но если это так, то тогда преступление должно было относиться к числу должностных со специальным субъектом, а лица, использовавшие подставных лиц, просто уходили от ответственности, о чем справедливо писали ученые [7. С. 35].

Можно было предложить и другую логику рассуждений, основанную на том, что создание – это не единичный факт (момент), а процесс, процедура, состав. Для таких рассуждений и ГК РФ (ст.ст. 50 и 51) и Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст.ст. 9, 12) также давали основания. В такой логике внесение записей в ЕГРЮЛ – всего лишь один факт в составе процесса создания юридического лица. Исходя из логики понимания создания как состава, в части объективной стороны было высказано мнение о том, что она состоит «в *подготовке* и предоставлении виновным лицом в уполномоченный государственный орган документов для осуществления процедуры государственной регистрации юридического лица» [8. С. 120; 9. С. 8, 13]. Однако такая логика – только *одна из возможных*, а значит, полной определенности в содержании исследуемой нормы не было. Подобная логика, кроме того, не делала диспозицию статьи в полной мере ясной. Восприятие такой логики мешало примечание к статье, где говорилось, по существу, об окончании образования лиц («...было образовано (создано...)... *юридическое лицо*»). А создано оно было только после государственной регистрации, соответственно, опять получалось, что для признания деяния подпадающим под ст. 173¹ УК РФ необходим финальный акт создания, при этом все иные стадии создания «выпадали».

Приведенные соображения показывают: уже в момент своего появления ст. 173¹ УК РФ *не соответствовала конституционным положениям об определенности правовой нормы*, а также юридической ответственности;

проще говоря, она не соответствовала Конституции РФ в том значении, в котором ее принципы и иные нормы истолкованы в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Суд неоднократно подчеркивал в своих правовых позициях: принцип юридического равенства диктует необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; законоположения, по своему содержанию и (или) по форме не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения и тем самым ведут к нарушению закрепленных ст.ст. 45 и 46 (ч. 1 и 2) Конституции РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (Постановление от 20.04.2009 № 7-П и др.). Наиболее выпукло принцип правовой определенности проявляется применительно к ответственности; Конституционный Суд РФ указывает, что *любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе*, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своего поведения (постановления от 15.07.1999 № 11-П, от 19.03.2003 № 3-П, от 13.07.2010 № 15-П и др.)

Есть и еще один вопрос: теоретически можно представить ситуацию, когда одни учредители реальны, а другие относятся к так называемым «подставным». Возникает вопрос: есть ли здесь преступные деяния? Статья говорит о «создании через подставных лиц», но все ли лица должны быть подставными? Что если подставное лицо – миноритарный участник корпорации? Понятно, что без «участия» такого подставного лица создать организацию невозможно, однако достаточно ли этого для того, чтобы «включать» уголовные репрессии для таких случаев? Такие «оттенки» ст. 173¹ УК РФ не регулировала.

Не менее интересно использование в названии и диспозиции статьи слова «реорганизация». Анализ законодательства на момент появления ст. 173¹ УК РФ и в период действия ее первой редакции показывает, что под реорганизацией понималось *пять юридических составов*, названных в ст. 57 ГК РФ (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование); только в четырех из них в результате завершения реорганизации создается новое юридическое лицо, а в одном случае – *при присоединении – создания нового юридического лица нет*; этот момент вполне ясно отражен и в ст. 16 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Таким образом, ни название ст. 173¹ УК РФ, ни ее содержание не отражают существа отношений, происходящих при реорганизации; *они противоречат положениям гражданского законодательства*. Возникал и вопрос, можно ли применять эту статью к ситуациям обмана одних учредителей другими, а также к случаям, когда юридическое лицо было реорганизовано якобы по решению участников, а они

такого решения в реальности не принимали (анализ судебной практики показывает, что отдельные примеры применения ст. 173¹ УК РФ здесь имелись (см.: апелляционное определение Тюменского областного суда от 20.10.2014 по делу № 33-5521/2014)).

Теперь логично обратиться к категории «*подставные лица*». Под ними понимались:

– лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица, путем *введения в заблуждение* которых было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо.

– лица, являющиеся органами управления юридического лица, путем *введения в заблуждение* которых было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо.

Ключевыми словами для квалификации таких лиц, как видно, являются слова «*введение в заблуждение*». Ранее их уголовный закон не использовал. Здесь, скорее, имел место «перенос» в сферу уголовного права конструкций, которые были известны праву гражданскому (институт «*недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения*» (ст. 32 ГК РСФСР 1922 г., ст. 57 ГК РСФСР 1964 г., ст. 178 ГК РФ 1994 г.)). Отдельные авторы высказывали мнение о том, что «в российском уголовном праве существует близкое понятию “заблуждение” понятие “ошибка” – неправильное представление лица о действительном юридическом или фактическом характер совершенного им действия или бездействия и его последствий» [10. С. 83]. Однако такая точка зрения мало что объясняет для целей применения ст. 173¹ УК РФ, поскольку необходимо понять, *в результате чего* лицо «не осознает» того, что оно становится «подставным»; кроме того, она не учитывает специфики гражданско-правового взгляда на заблуждение и обман [11. С. 290, 304, 318; 12. С. 65].

Для большинства исследователей ст. 173¹ УК РФ в основе «*введения в заблуждение*» – обман [7. С. 37; 8. С. 120; 9. С. 8]). Но эта констатация не давала до конца ответа на вопрос: *как именно должно быть осуществлено «введение в заблуждение» (обман), чтобы действия лица подпали под ст. 173¹ УК РФ?* Рядом исследователей (в том и на основе обобщения практики) было высказана точка зрения о том, что обман – это *всегда активное действие*, и более того, как правило, в форме непосредственного взаимодействия потенциального подставного лица и лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 173¹ УК РФ [6. С. 25].

Результатом реализации такого подхода стала практическая затруднительность доказывания «*введения в заблуждение*». Ф. Багаутдинов и Н. Мирзанурова констатировали: «Материалы правоохранительных органов свидетельствуют о том, что непосредственный контакт и само предложение о незаконном создании юридического лица не всегда имеют место. Если преступник использует найденные либо другим способом случайно оказавшиеся у него документы (без личного контакта с их владельцем), то о введении в заблуждение уже нельзя говорить. Соответственно, нет и состава преступления» [Там же. С. 25]. Еще жестче о неэффективности нор-

мы высказывался И.Н. Соловьев: «Содержащееся в примечании к ст. 173¹ УК РФ понятие “подставное лицо” на практике не охватывает случаи создания “фирм-однодневок” через лиц, действующих умышленно... Как показывает практика выявления преступлений, где использовались “фирмы-однодневки”, в большинстве случаев регистрация незаконно образованных юридических лиц производится по документам людей, ведущих асоциальный образ жизни, предоставляющих свои документы за вознаграждение и не интересующихся, для каких целей они используются. Поэтому отсутствовало основание рассматривать эти действия в качестве введения в заблуждение и привлечения лица, незаконно создающего или реорганизуемого юридического лица, к уголовной ответственности по ст. 173¹ УК РФ» [13. С. 35].

В связи с последними комментариями необходимо отметить следующее. По логике ст. 173¹ УК РФ подставные лица не могли выступать субъектами преступления, ведь их «вводят в заблуждение», т.е. «подставное лицо не знает о том, что от его имени будет создано и реорганизовано юридическое лицо... Предполагается, что “введенное в заблуждение лицо” не знает об образовании от его имени (с помощью) юридического лица» [14. С. 25]. Если же лицо знало, для чего оно предоставляло паспорт, документы, информацию за денежное вознаграждение или по иным мотивам, то оно переставало быть «подставным» в смысле ст. 173¹ УК РФ. И никакого преступного деяния в смысле ст. 173¹ УК РФ не совершалось; в зависимости от обстоятельств дела можно было ставить вопрос только об ответственности по ст. 173² УК РФ. В результате получалось, что юридическое лицо создавалось хоть и не с прямыми нарушениями закона, но, по существу, в обход закона (выделенные выше элементы фиктивности), т.е., в широком смысле «незаконно», но уголовной ответственности за незаконное создание юридического лица в узком значении (ст. 173¹ УК РФ) не наступало.

Неэффективность правового регулирования государство признавало даже на уровне ведомственных актов. Показателен текст письма ФНС России от 28.01.2014 г. № СА-4-14/1215. В нем указываются, среди прочего, такие данные: за 9 месяцев 2013 г. налоговыми органами в органы МВД России направлено 1 340 материалов об обнаружении обстоятельств, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 173¹ и 173² УК РФ; при этом не имеется сведений о результатах рассмотрения 585 материалов; сведения о возбужденных уголовных делах имеются в отношении 25 рассмотренных следственными органами материалов. Интересно это письмо и в части анализа практики взаимодействия по таким материалам в региональном разрезе, тоже, как видно, не являющейся поводом для оптимизма.

Понимание недостатков диспозиции ст. 173¹ УК РФ привело законодателя к необходимости ее модификации. В октябре 2014 г. в Государственной Думе был зарегистрирован внесенный рядом депутатов законопроект (№ 613254-6 [15]). В нем предполагалось три изменения в части ст. 173¹ УК РФ: а) изменение названия; его предлагалось изложить в следующей редакции: «Образование юридического лица через подставных лиц»;

б) изменение диспозиции; предлагалась такая редакция: «образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах»; в) корректировка примечания; предлагалось существенно изменить понятие «подставных лиц», указав, что под ними понимаются лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а равно лица, являющиеся участниками юридического лица или органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом либо получения прибыли от законной деятельности юридического лица.

Существенно менялась и диспозиция ст. 173² УК РФ, где появлялось понятие «подставное лицо», причем в едином значении со ст. 173¹ УК РФ.

В результате долгого обсуждения и принятия в итоге Федерального закона от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) некоторые из указанных предложений (изменение названия) не были поддержаны, некоторые были скорректированы (в части определения подставных лиц), но в результате ст. 173¹ УК РФ изменилась очень существенно.

Стала ли ст. 173¹ УК РФ в новой (действующей) редакции более определенной? С нашей точки зрения, положительного ответа на поставленный вопрос дать нельзя.

Во-первых, ее диспозиция из простой стала сложносоставной; к числу противоправных относились такие действия:

- как и ранее: «образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц»;

- кроме этого: «а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах».

Причины, которые привели к таким законодательным решениям, понятны и были рассмотрены выше: в предыдущей редакции ст. 173¹ УК РФ не учитывалась возможность внесения данных в ЕГРЮЛ о подставных лицах при изменении учредительных документов. И в этой части нельзя не признать определенный позитивный сдвиг в законодательстве. Но и не более.

Отметим, что, как и в прежней редакции, действующая редакция не учитывает возможности осуществления через подставных лиц ликвидации юридического лица. Как видно из законопроектных материалов, этот вопрос не обсуждался.

Но гораздо серьезнее то, что в результате таких изменений получилось, что текст статьи – «образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц» – едва ли не потерял смысл: создание – это процесс, растянутый во времени, чаще всего он напоминает айсберг: видимая часть – от момента подачи документов для государственной регистрации до момента принятия решения государственным органом – занимает мало времени, а вот невидимая, заключающаяся во множестве действий (собрание будущих учредителей, переговоры, составления учредительных документов, запрос различных справок и проч.), может занимать в разы больше времени. Именно в этот период – до подачи документов для государственной регистрации – в реальности происходят действия, которые затем ведут к созданию юридических лиц с участием подставных лиц (подыскиваются подставные лица, организуется внешне легальное принятие решения о создании и пр., т.е. происходит то, о чем указано в ст. 173¹ УК РФ).

Однако обновленная ст. 173¹ УК РФ оставляет все эти факты вне своего поля зрения: конструкция примечания к статье вновь фокусируется на факте внесения данных в ЕГРЮЛ: «...лица, которые являются учредителями... и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц...». Таким образом, никакой ответственности по ст. 173¹ УК РФ вновь, как и прежде, не наступает в том случае, если действия имели место до того, как документы были направлены уполномоченному государственному органу для внесения в ЕГРЮЛ. Не оставляет сомнений и новая редакция ст. 173² УК РФ, где и в первой, и во второй части используется формулировка: «если эти действия (деяния) совершены для внесения в ЕГРЮЛ сведений о подставном лице». Есть сомнения и в части того, можно ли считать преступными действия, если документы были направлены, но последовал отказ в государственной регистрации. Вполне возможно, что в этом и был замысел законодателя: не допустить внесения указанных данных в ЕГРЮЛ. Но если это так, то диспозиция ст. 173¹ УК РФ была более определенной, если бы первую изложили (с изменением названия статьи) так: «...представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах».

Во-вторых, радикальной правке подверглись положения о подставных лицах. Ранее подход к их определению был несколько простым (один критерий, который распространялся и на категорию учредителей (участников), и на категорию «орган управления» без какой-либо дифференциации), настолько и неясным. Предлагавшееся в 2014 г. определение (определение подставных лиц в первоначальной редакции проекта закона № 613254-6) уже было сложносоставным (несколько критериев); в нем была сделана попытка дифференциации в зависимости от категории подставного лица, впрочем, не слишком удачная. Оно предполагало следующие варианты «подставности»:

– лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, *путем введения в заблуждение* которых были внесены данные о них в ЕГРЮЛ;

– лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, *без ведома которых* были внесены данные о них в ЕГРЮЛ;

– лица, являющиеся участниками юридического лица или органами управления юридического лица, у которых *отсутствует цель управления юридическим лицом*;

– лица, являющиеся участниками юридического лица или органами управления юридического лица, у которых *отсутствует цель получения прибыли от законной деятельности юридического лица*.

Положительным моментом этого подхода было внесение второго критерия («без ведома»), поскольку это позволяло решить проблему оформления учредительства и наделения функциями органов управления лиц по украденным или потерянным документам и прочим подобным случаям. А вот третий и четвертый критерии назвать удачными нельзя. Заметим, что в них нет упоминания об «учредителе», что на фоне наличия такого упоминания в первом и втором критериях может означать, что эти случаи вообще не были рассчитаны на случаи учреждения. Кроме того, непонятно, что понимать под отсутствием цели как в третьем, так и в четвертом случае; попытка «объективировать» субъективный критерий (строго говоря, цель всегда известна только лицу, которое ее ставит, и если ее достижение приводит к отрицательным последствиям, то во внешний мир может быть заявлена совсем иная цель – правомерная) явно выглядит неудачной и потому мало приспособленной для целей доказывания.

Действующая редакция примечания к ст. 173¹ УК РФ (после изменений, внесенных Федеральным законом № 67-ФЗ) сохранила как положительные черты определений первоначальной редакции проекта закона № 613254-6, так и их отрицательные черты. Она предусматривает следующие критерии для определения подставных лиц:

– лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, *путем введения в заблуждение* которых были внесены данные о них в ЕГРЮЛ;

– лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, *без ведома которых* были внесены данные о них в ЕГРЮЛ;

– лица, которые являются органами управления юридического лица, *у которых отсутствует цель управления юридическим лицом*.

Как видно, в действующей редакции сохранилось три критерия, однако несколько изменилась дифференциация по применению третьего критерия по кругу лиц.

Первый критерий, по существу, сохранился в неизменном виде от старой (прежней) редакции ст. 173¹ УК РФ со всеми его достоинствами и недостатками, которые в новой редакции не были преодолены. «Введение

в заблуждение» возможно различными способами. К примеру, Ф. Багаутдинов и Н. Мирзанурова описывали следующие примеры из практики: «По расследованным уголовным делам как введение в заблуждение подставных лиц рассматривались: обещание выплаты денежного вознаграждения, зарплаты подставному лицу; получение документов у подставных лиц под видом трудоустройства с дальнейшим их использованием для незаконного создания юридического лица. Как правило, лицам, у которых получались документы для незаконного образования юридических лиц, обещали назначить их директорами создаваемых фирм либо выплатить денежное вознаграждение за предоставление документов, уверяя их в том, что вся указанная деятельность носит законный характер» [6. С. 25].

Не с каждым из названных критериев можно согласиться. Как уже было отмечено, если лицо знает, для чего его привлекают при создании юридического лица, то ни о каком подставном лице, введенном в заблуждение, писать нельзя. Говоря иначе, получение денег за выполнение номинальных функций ответственность по ст. 173¹ УК РФ исключает. На это указывает и анализ некоторых судебных актов. К примеру, в апелляционном определении Свердловского областного суда от 08.09.2018 г. по делу № 22-2732/2018 видим такой вывод: *«Л. знал и понимал, что становится учредителем и директором вновь создаваемого ООО... Соответственно, Л. не может считаться лицом, путем введения в заблуждение которого было создано юридическое лицо»*.

При этом отметим, что судебная практика, к сожалению, знает примеры иного подхода (см., напр.: приговор Тамбовского областного суда от 05.10.2015 г. по делу №2-7/2015; приговор Новгородского районного суда Новгородской области № 1-20/2017 1-211/2016 от 06.10.2017 г. по делу № 1-20/2017 [16]). Изучение текстов последних двух судебных актов показывает, что так называемых «подставных лиц» никто в заблуждение не вводил, они понимали свои роли, риски и выгоды; так называемое «подставное лицо» осознавало или должно было осознавать (ведь это явно было совершеннолетнее дееспособное лицо, да к тому имевшее корыстный мотив), что когда ему предлагают стать фиктивным учредителем, могут наступить определенные правовые последствия (в том числе и те, что юридическое лицо может использоваться для незаконной деятельности). Анализ таких актов приводит к выводу, что в ряде случаев суды, рассматривая дела по ст. 173¹ УК РФ, все еще анализируют обстоятельства сквозь призму отмененной ст. 173 УК, тогда как они принципиально разные. Это тем более важно, что в УК РФ есть специальный состав – ст. 173², и если имели место обстоятельства предоставления документа за плату, то никакого введения в заблуждение нет. Впрочем, в исследованиях встречаются и другие объяснения: «...привлекать номиналов к ответственности не спешат, они остаются полезными свидетелями для налоговой, следствия и суда» [17].

С другим примером – «получение документов у подставных лиц под видом трудоустройства с дальнейшим их использованием для незаконного

создания юридического лица» – следует согласиться, это классический обман («введение в заблуждение», говоря языком ст. 173¹ УК РФ).

Сложнее с квалификацией следующего случая: лицо, давая согласие на участие в создании юридического лица, полагает, что это будет реальное управление, получение дивидендов и пр., однако в реальности оно отстраняется от управления (по каким-либо причинам). С нашей точки зрения, здесь многое зависит от конкретных обстоятельств дела, однако по общему правилу *такие ситуации подводить под введение в заблуждение нельзя*: если лицо полностью дееспособно, то представить себе, что сначала оно дает согласие на участие, а через какое-то время «вдруг» обнаруживает, что оно якобы подставное, невозможно. Фиктивность участия в деятельности диспозицией ст. 173¹ УК РФ не охватывается, а в момент создания лицо полностью понимало, в чем оно участвует. Если же лицо не допускают к управлению организацией, то это корпоративный конфликт, который должен решаться иными правовыми средствами. Иное означает создание возможности для недобросовестных участников оборота решения каких-то корпоративных или личных конфликтов при помощи уголовного закона.

Второй критерий, как уже было отмечено, позволял решать проблему привлечения в качестве подставных лиц по украденным документам, т.е. таких лиц, *которые вообще не знают*, что они выступают в качестве учредителя (участника) или органа управления юридического лица.

А вот третий критерий нуждается в серьезной критике. При формулировании этого критерия проведена *крайне неудачная дифференциация по кругу лиц*. Видимо, здесь имелась в виду необходимость распространить действие только и исключительно на лиц, которые выступают в качестве так называемых номинальных директоров, и для этих целей статья «работает» (см., напр.: приговор Калужского районного суда Калужской области № 1-735/2017 от 28 сентября 2017 г. по делу № 1-735/2017 [18]).

Однако текст статьи дает возможность для расширительного толкования, *вплоть до распространения на любого участника*: ведь в корпорации собрание учредителей (участников) – это высший орган управления, и участники составляют его автоматически самым фактом участия в корпорации.

Кроме того, в тексте критерия сохранилось не вполне определенное указание на отсутствие цели. Подчеркнем: цель – явление субъективного порядка, доказать указанную цель будет непросто, если иногда не невозможно, ведь то, что для правоохранительных органов будет отсутствием цели, для подозреваемых (обвиняемых) будет просто «плохим менеджментом»: директор не «липовый», он просто бездельник. К тому же у директора нет цели управления лицом. Управление – это не цель для него, а функция, которую он исполняет в соответствии с заключенным договором.

Есть к этому критерию и вопрос относительно соотношения с общими принципами регулирования экономической деятельности. Дело в том, что ГК РФ при создании организации *вовсе не требует, чтобы она вообще осуществляла какую-либо деятельность*; существование «спящих» орга-

низаций, в которых кто-либо на время выполняет функцию директора лишь технически, законом не запрещено. Если в процессе существования такой «спящей» организации не выполняются требования по предоставлению обязательной отчетности или не совершаются операции по счетам, то у государства есть институт исключения из ЕГРЮЛ *недействующих лиц* (в административном порядке); криминализация здесь каких-либо действий, по существу, вредна, это явно излишняя репрессалия.

Третий критерий в явной форме не отвечает выделенным Конституционным Судом РФ признакам правовой определенности, поскольку как по кругу лиц, так и по кругу действий понять, где заканчивается правомерное поведение и начинается неправомерное, *невозможно*.

Подводя итоги, отметим следующее. Цель, которую законодатель преследовал при создании ст. 173¹ УК РФ, понятна: пресечь возможности использования института юридического лица для совершения различных правонарушений. Однако такая цель в реальности не достигнута: не найдена граница между правомерным и неправомерным поведением; положения ст. 173¹ УК РФ как в ее первоначальной редакции, так и в действующей сформулированы крайне неудачно; в нынешнем виде по причинам неопределенности содержания ст. 173¹ УК РФ как минимум должна подвернуться существенной реконструкции. В идеале же ее следует исключить из УК РФ с частичным поглощением иными скорректированными составами.

Отметим возможные подходы для совершенствования законодательства. Основанием для нового регулирования должно быть признание следующего: сам факт того, что юридическое лицо создано лицами, которые не имеют собственного интереса в его существовании, а *осознанно* реализуют чужой интерес (это и есть, строго говоря, так называемые «номинальные учредители (участники)», «номиналы»), *не может быть признан* *противозаконным и уж тем более нарушающим уголовный закон*.

Если в процессе деятельности юридического лица, созданного и осуществляющего деятельность с участием номинальных учредителей (участников), и с его использованием будут совершены преступления, то за их совершение должны нести ответственность лица, их совершившие. Причастность номинальных учредителей (участников) в случае совершения преступлений должна презюмироваться как своего рода «цена» за участие в отношениях в качестве номинального лица; для пресечения противозаконных действий с использованием такого юридического лица вовсе нет необходимости выдумывать конструкцию фиктивного, подставного учредительства и пр. Исследования «номиналов» [17] показывают, что лица, которые идут в эту «профессию», *действуют абсолютно осмысленно*, рационально (в основе лежит имущественный интерес); они допускают возможность наступления негативных последствий для различных третьих лиц от деятельности организаций, в которых они участвуют («директорствуют»), или относятся к наступлению любых последствий безразлично. Исключать ответственность таких лиц – *значит создавать благоприятные условия для совершения различных неправомерных деяний*.

Организация или участие в организации юридического лица для субъекта, который стоит за «номиналом» (бенефициара) также *не является однозначно противозаконным*. Лишь в одном случае – создании юридического лица с использованием номинальных учредителей, когда такие действия совершаются с целью обхода явно и однозначно установленных для бенефициара в силу судебного решения или закона (принадлежность к определенной группе лиц в соответствии с законодательством о противодействии коррупции) запретов и ограничений – целесообразно говорить об ответственности бенефициара. Вопрос о формах и размерах ответственности здесь требует дифференцированного подхода. Для устранения интереса в создании организаций через «номиналов» можно подумать о том, чтобы в отдельных статьях УК РФ использование таких организаций рассматривалось как квалифицирующий признак. В случае со схемами обхода запретов и ограничений комплекс мер может быть различным, вплоть до установления в определенных случаях уголовной ответственности, но во всех случаях с принудительной ликвидацией организации и дисквалификацией бенефициара.

Другая ситуация – создание организации *при отсутствии реальной воли лица* (по поддельным документам, украденным документам, путем обмана). В этом случае должна осуществляться обязательная принудительная ликвидация юридического лица; должна также наступать уголовная ответственность за незаконное использование документов (информации) для создания юридического лица. Если факт обмана или незаконного использования документов будет выявлен на стадии государственной регистрации, должен следовать отказ в регистрации, а также наступать уголовная ответственность (преступление должно считаться оконченным с момента получения уполномоченным органом документов для регистрации). Если факт обмана или незаконного использования документов будет выявлен на любой иной стадии создания юридического лица, следует установить административную ответственность, заключающуюся в дисквалификации лица на наиболее продолжительный срок.

Здесь просматривается ясный критерий разграничения преступного и правомерного. Если данные в ЕГРЮЛ внесены *без согласия лица или путем обмана*, – налицо неправомерность действий. Если лицо, о котором вносятся данные в ЕГРЮЛ, понимает свою номинальную роль – незаконного создания юридического лица нет, все участники такого создания с участием номиналов будут впоследствии нести ответственность по конкретным статьям УК РФ при совершении действий, под них подпадающих.

Литература

1. Утвержден перечень поручений по итогам совещания по вопросам инвестиционного климата. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/8757> (дата обращения: 25.11.2018).

2. Общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок : утв. приказом ФНС РФ от 14.10.2008 № ММ-3-2/467@

«О внесении изменений в Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ “Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок”».

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уголовной ответственности за образование юридического лица на подставных лиц) : законопроект № 497961-5. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/497961-5> (дата обращения: 25.11.2018).

4. Смирнов Г.К. Уголовная ответственность юридических лиц за использование фиктивных организаций // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 38–41.

5. Сычев П.Г. Правовая защита субъектов предпринимательской деятельности: проблемы уголовного судопроизводства // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 30–34.

6. Багаутдинов Ф., Мирзанурова Н. Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6 (968). С. 24–26.

7. Яни П.С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. С. 35–39.

8. Петухов Е.В. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: признаки объективной стороны состава преступления // Юристь-Правоведь. 2014. № 4 (65). С. 118–120.

9. Петухов Е.В. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 22 с.

10. Гук Д.В. Использование «фирм-однодневок» для целей хищения денежных средств, выделенных на государственные закупки // Статьи аспирантов и стажеров Института государства и права РАН / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2012. (Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2/2012).

11. Гутников О.В. Недействительность сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М. : Бератор-Пресс, 2003. 576 с.

12. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 360 с.

13. Соловьев И.Н. Уголовно-правовая характеристика ст. 173.2 УК РФ с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ // Российский следователь. 2016. № 3. С. 34–41.

14. Тюнин В.И., Бадзгардзе Т.А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 24–26.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : законопроект № 613254-6. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/613254-6> (дата обращения: 25.11.2018).

16. Приговор Новгородского районного суда Новгородской области № 1-20/2017 1-211/2016 от 6 октября 2017 г. по делу № 1-20/2017. URL: http://sudact.ru/regular/doc/vl2MHP1a2mrb/?page=6®ular-doc_type=®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=1-20%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_id=1543167377434®ular-judge= (дата обращения: 25.11.2018).

17. Панкратова И. Номиналы: почему бизнес зицпредседателей сокращается, но не исчезает // РБК. 2018. № 12 (146). URL: https://www.rbc.ru/magazine/2018/12/5bf2f2fb9a7947ef50aa4b47?from=right_3 (дата обращения: 25.11.2018).

18. Приговор Калужского районного суда Калужской области № 1-735/2017 от 28 сентября 2017 г. по делу № 1-735/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aub4u66WynQW/> (дата обращения: 25.11.2018).

Gabov Andrey V., Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ILLEGAL FORMATION (CREATION, REORGANIZATION) OF A LEGAL ENTITY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Keywords: legal entity, figurehead.

DOI: 10.17223/22253513/32/3

Since the beginning of radical socio-economic changes (since the early 90-s of the XX century) the Russian state looked for ways to prevent the creation of legal entities, the founders (beneficiaries) of which were pursuing illegal aims. To characterize such organizations some researches and acts which contain explanations of a normative nature use the following formulations: fictitious organizations, "short-lived firms", "pseudo-organizations", "pseudo-firms" etc. The institutions directed to discourage the creation of such entities were included into the criminal, civil, administrative and tax legislation. During a long time the Criminal Code of the Russian Federation provided for liability for pseudo-entrepreneurship.

It was understood as the creation of commercial organizations without the intention to carry out business or banking activities directed at obtaining loans, tax exemptions, getting other property benefits or cover prohibited activities, causing major damage to citizens, organizations or the State. This article was decriminalized in 2010 because of the uncertainty of its content

The concept of development of civil legislation of 2009 included the creation of regulations that prevented the emergence of unscrupulous parties in circulation; its provisions were partially implemented in 2013-2016 in the course of the reform of the civil legislation.

In their explanations tax authorities since mid-2000's are trying to concretize criteria for a "short-lived firm".

The legislation allows: to make records in the USRLE (regarding unauthenticity of data) with the subsequent exclusion of such organizations from it; to refuse the state registration of legal entities if among founders and directors there are persons involved in the creation and activities of such organizations. Nevertheless, it is fully impossible to call the appropriate measures of the state reaction successful. In 2011 the Criminal code of Russia included the article providing for liability for the formation (creation, reorganization) of a legal entity; illegality in this article shall be construed as creation of legal entities through figureheads. This article underwent essential changes in 2015 regarding the definition of such (fake) persons. The research gives the analysis of the reasons for publishing of the article; its basic elements are analyzed. The author shows that the article is unsuccessfully formulated, it contradicts the constitutional principles, including the importance attached to it by the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the certainty of a precept of law and liability. Conceptual proposals on legal evaluation of creation of legal entities by means of nominal founders are formulated; approaches to delineation of lawful and illegal conduct are determined; suggestions on the improvement of the criminal legislation are made.

References

1. President of the Russian Federation. (2010) *Utverzhden perechen' porucheniy po itogam soveshchaniya po voprosam investitsionnogo klimata* [The list of instructions following the meeting on investment climate issues was approved]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/8757>. (Accessed: 25th November 2018).
2. Federal Tax Service of the Russian Federation. (2008) *Generally available criteria for self-assessment of risks for taxpayers used by tax authorities in the process of selecting facilities for conducting field tax audits: approved by Order No. MM-3-2 / 467 @ of October 14, 2008 of the Federal Tax Service of the Russian Federation "On Amendments to the Federal Tax Service Order No. MM-3-06 / 333 @ of May 30, 2007"*. (In Russian).
3. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on criminal liability for the establishment of a legal entity for nominees): Bill No. 497961-5*. [Online] Available from: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/497961-5>. (Accessed: 25th November 2018).

4. Smirnov, G.K. (2011) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits za ispol'zovanie fiktivnykh organizatsiy [Criminal liability of legal entities for the use of fictitious organizations]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 38–41.

5. Sychev, P.G. (2012) Legal protection of business entities: issues of criminal proceedings. *Predprinimatel'skoe pravo*. 4. pp. 30–34. (In Russian).

6. Bagautdinov, F. & Mirzanurova, N. (2015) Setting Up Firms through Front Parties. *Zakonnost'*. 6(968). pp. 24–26. (In Russian).

7. Yani, P.S. (2014) Establishment of a Legal Entity through Front Persons. *Zakonnost'*. 5. pp. 35–39.

8. Petukhov, E.V. (2014) Nezakonnoe obrazovanie (sozдание, reorganizatsiya) yuridicheskogo litsa: priznaki ob"ektivnoy storony sostava prestupleniya [Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity: signs of the objective side of the crime]. *Yurist"-Pravoved* – *Jurist-Pravoved*. 4(65). pp. 118–120.

9. Petukhov, E.V. (2015) *Ugolovno-pravovaya okhrana otnosheniy v sfere sozdaniya i reorganizatsii yuridicheskikh lits* [Legal protection of relations in the sphere of creation and reorganization of legal entities]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.

10. Guk, D.V. (2012) Ispol'zovanie "firm-odnodnevok" dlya tseyey khishcheniya denezhnykh sredstv, vydelennykh na gosudarstvennye zakupki [The use of "one-day firms" for the purpose of embezzling funds allocated for government procurement]. In: Shulzhenko, Yu.L. (ed.) *Stat'i aspirantov i stazherov Instituta gosudarstva i prava RAN* [Articles of postgraduate students and interns of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

11. Gutnikov, O.V. (2003) *Nedeystvitel'nost' sdelki v grazhdanskom prave. Teoriya i praktika osparivaniya* [Invalidity of the transaction in civil law. Theory and practice of challenging]. Moscow: Berator-Press.

12. Shestakova, N.D. (2008) *Nedeystvitel'nost' sdelok* [Invalidity of transactions]. 2nd ed. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.

13. Soloviev, I.N. (2016) Criminal law characteristic of Art. 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation considering Amendments introduced by Federal Law as of March 30, 2015 No. 67-FZ. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 34–41. (In Russian).

14. Tyunin, V.I. & Badzgaradze, T.A. (2012) Illegal formation (establishment, reorganization) of legal entity (Art.173.1 of the Criminal Code). *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 24–26. (In Russian).

15. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in the Part of Ensuring the Reliability of Information Submitted at the State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs: Draft Law No. 613254-6*. [Online] Available from: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/613254-6>. (Accessed: 25th November 2018).

16. Novgorod Region. (2017) *Sentence of the Novgorod District Court of the Novgorod Region No. 1-20 / 2017 1-211 / 2016 dated October 6, 2017 on Case No. 1-20 / 2017*. [Online] Available from: http://sudact.ru/regulardoc/vl2MHP1a2mrb/?page=6®ular-doc_type=®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=1-20%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-lar-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_id=1543167377434®ular-judge=. (Accessed: 25th November 2018). (In Russian).

17. Pankratova, I. (2018) *Nominaly: pochemu biznes zitspredsedateley sokrashchaetsya, no ne ischezhaet* [Nominals: why the business of sit-chairs is reduced, but does not disappear]. *RBK*. 12(146). [Online] Available from: https://www.rbc.ru/magazine/2018/12/5bf2f2fb9a7947ef50aa4b47?from=right_3. (Accessed: 25th November 2018). (In Russian).

18. Kaluga Region. (2017) *Verdict of the Kaluga District Court of Kaluga Region No. 1-735 / 2017 of September 28, 2017 in Case No. 1-735 / 2017*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regulardoc/aub4u66WynQW/>. (Accessed: 25th November 2018). (In Russian).